

О. Н. Булаков
**Великая
Отечественная
война в истории
моей семьи**

Мой отец Николай Булаков был самым младшим, четвертым ребенком в семье. Когда началась война, ему было всего четыре года. Победу и свой девятый день рождения он встретил в детском доме круглым сиротой. Его отец — мой дед Иван Булаков — погиб на фронте, а мать — моя бабушка Мария Булакова — была сбита грузовым автомобилем на проселочной дороге.

Незадолго до своей смерти отец рассказывал мне, что воспоминания о том военном времени у него практически не сохранились, так, некоторые фрагменты. Период детского дома запечатлелся в памяти более отчетливо. Что касается отца (моего деда), то он помнит только его руки. Большие, крепкие, рабочие руки плотника, пахнувшие древесной стружкой и металлом. Они нежно поднимали его вверх — высоко, высоко. К самому солнцу. От этого было весело и ничуть не страшно.

Прошли годы, пока я понял, что мы сильны памятью предков. И чтобы не потерять свои корни, не разрушить связь времен, нужно попытаться собрать воедино то, что еще сохранилось в памяти и документах. И передать это своему сыну.

Кем был мой дед на той — наверное, самой страшной — Великой Отечественной войне? Что он успел сделать? Что видел и где побывал? С этими мыслями я окунулся в океан архивных документов Министерства обороны. Прежде чем мне посчастливилось найти хоть что-нибудь про своего деда, пришлось перевернуть десятки томов архивных дел. Месяц за месяцем, крупницу за крупницей собирал я необходимую информацию. Много узнал о боевом пути гвардии старшины Булакова Ивана Гавриловича, наиболее полно начиная с зимы 1942–1943 годов и до его

гибели в январе 1944-го. Еще больше я узнал о полке, в котором он воевал, о сослуживцах по баталь-

ону и роте, но самое главное — я узнал, что такое война. Война «глазами» документов. Война «глазами» военных карт и оперативных сводок. Но — все по порядку.

Мой дед был призван Клинским райвоенкоматом Московской области на второй день после начала войны — 24 июня 1941 года. За время боев он был дважды ранен: первое ранение получено ровно через месяц после начала войны — 22 июля 1941, а второе в боях за Полтаву — 5 августа 1943. О тяжести ранений судить трудно (документы найти не удалось), но что я знаю наверняка, так это то, что после первого ранения ему удалось на 2–3 дня появиться дома — увидеть жену и детей. Из воспоминаний односельчан я узнал, что пришел он в тот короткий отпуск абсолютно седым человеком. Что ему тогда пришлось пережить в эти первые военные месяцы — об этом, наверное, никто сейчас не узнает.

Как мне стало известно из документов учета личного состава, красноармеец Булаков И. Г. в начале 1943 года в составе пополнения прибыл в Сталинград и был зачислен на должность старшины пехотной роты, в которой служили 132 человека, а состояла она из трех стрелковых взводов, пулеметного взвода и взвода 50-мм минометов.

Полк, куда для прохождения службы был направлен дед, насчитывал 3500 человек. Средние потери по полку — 20 человек в день, а в период ожесточенных боев до 300 человек в день убитыми. После проведения Сталинградской операции полк стал гвардейским.

В марте 1943 года 213 полк был переброшен в Белгород и в период Курской Дуги сра-

жался на Белгородско-Харьковском направлении. Из полкового «Журнала боевых действий» мне удалось узнать, что в июле 1943 года полк нес огромные потери — в некоторые дни до 500 человек только убитыми, не считая раненых. Батальон, в котором воевал старшина 8 роты Булаков И. Г., вел ожесточенные бои в районе населенного пункта Горянка. На рубеж обороны этой роты противник предпринимал в сутки до 10 атак силою пехотного батальона при танковой поддержке.

Как отмечено в «Журнале боевых действий», «в одном из боев противнику удалось ворваться в траншею красноармейцев, но было подбито 3 танка и в рукопашной схватке выбита пехота противника». Простые, но вместе с тем очень страшные слова полкового писаря, ведь за ними стоит смерть. Изучая документы этого боя, я обнаружил рапорт командира роты, написанный на обратной стороне военной немецкой карты. На этом пожелтевшем от времени листке бумаги я с удивлением и комом в горле прочитал: «Гвардии старшина Булаков Иван Гаврилович проявил себя мужественным и стойким... несмотря на ураганный огонь противника, старшина Булаков И. Г. сумел обеспечить бойцов боеприпасами и горячей пищей... пулеметы работали бесперебойно... при атаке противника, в рукопашном бою старшина Булаков уничтожил 7 немцев...».

В сентябре 1943 года полк был переброшен с Воронежского фронта через Орел и Москву на станцию Соблагово и совершил марш в направлении города Невель Псковской области. И снова, листая архивные документы, я встретился со своим дедом. В боевой характеристике на гвардии старшину Булакова И. Г. командир 8 стрелковой роты пишет: «Во время привала старшина Булаков И. Г. участвовал в отражении атаки противника и уничтожил более 5 “фрицев”... Считаю, что он достоин быть награжденным».

Наступательные бои севернее города Невель отмечены военной историей как одни из самых кровопролитных конца 1943 и начала 1944 годов. В подтверждение этого в архивных документах 71 гвардейской дивизии можно

увидеть, что она несла огромные людские потери. Бывали периоды, когда численность стрелковых подразделений после ожесточенных боев едва достигала половины списочного состава. Для пополнения пехотных рот направлялись артиллеристы, минометчики, солдаты вспомогательных и штабных подразделений. В результате батальон, в котором воевал мой дед, был переведен из 213 в 210 полк той же дивизии, как сказано в приказе, «для пополнения численного состава». С этого времени старшина Булаков И. Г. становится заместителем командира взвода 4 стрелковой роты (2 батальон) 210 полка.

В декабре 1943 года 210 и 213 гвардейские стрелковые полки практически постоянно находились на передовой, меняя друг друга для того, чтобы, отойдя во второй оборонительный эшелон (4–5 км от передовой) пополнить и привести в порядок вооружение и личный состав (устранить окопную вшивость, помыться, пропарить обмундирование; накормить личный состав горячей пищей и дать ему выспаться). Советские войска на данном участке фронта в этот период продвигались медленно. Средние потери по полку достигали до 80 человек убитыми и ранеными за день: тяжелые погодные условия (сильный мороз), открытая заболоченная местность и глубоко эшелонированная оборона немцев делали свое дело.

19 января 1944 года 210 полк занял деревню Абабково Невельского района Псковской области. Батальон, в котором воевал старшина Булаков И. Г., закрепился в 200 метров северо-западнее окраины этой деревушки. Противник оборонялся силою двух полков — пехотного и артиллерийского при поддержке батареи 120-мм минометов. Рубеж его обороны проходил по деревням Малашкино и Коробцево. 20 января в 10 часов утра начался бой, и, несмотря на сильное огневое сопротивление противника, к 18 часам нашим бойцам удалось выбить немцев из деревни Коробцево и закрепиться в ней. Но чтобы овладеть деревней Малашкино, где находились главные силы немецкого артиллерийского полка, необходимо было взять безы-

мянную высоту «222.6». Высота была сильно укреплена колючей проволокой и минными заграждениями. По всему рубежу обороны противник выкопал траншеи, ходы сообщения, установил ДОТы и пулеметные гнезда.

В ночь с 21 на 22 января 1944 года в бою за безымянную высоту «222.6» был смертельно ранен гвардии старшина Булаков Иван Гаврилович. Из письма его товарища (также вскоре погибшего) своим родственникам удалось узнать, что старшина Булаков И. Г. был ранен около часа ночи. Минометный осколок вошел ему в шею, а вышел из поясницы. Бой закончился в 5 утра 22 января 1944 года. Командир роты приказал отправить еще живого старшину в санбат. Санитарный батальон находился в месте расположения штаба полка — в деревне Коробцево. Но тут снова началась атака, снова был ураганный минометный и артиллерийский огонь...

По архивным документам санитарного батальона ни 22 января, ни в последующие дни среди поступивших раненых гвардии старшина Булаков И. Г. не значится. Возможно, его не донесли до санбата: он умер по дороге, и его засыпали в воронке снегом. Возможно, он попал под очередной артобстрел. На войне возможно все. Место захоронения моего деда неизвестно, могила не найдена — от рубежа обороны 2 батальона до деревни Коробцево немногим более километра. Я с семьей приехал на место последнего боя моего деда. Мы прошли пешком этот километр по заросшей тропе, которая когда-то была дорогой, от рубежа обороны 2 батальона к некогда существовавшей деревне Коробцево. Туда и обратно. Мы поднялись на высоту, на которую не смог подняться старшина Булаков. Увидели, что представляет собой сейчас некогда очень большая деревня Малашкино. В настоящее время это менее десятка старых, почерневших от времени избушек — все, что осталось от нескольких деревень, нанесенных топографом на военную карту 1943 года, которая лежит сейчас в папке архивных документов 210 гвардейского стрелкового полка на странице 40 и ждет, когда ее кто-нибудь

снова откроет. А ночью, сидя у костра, мы увидели как над нашей палаткой, одиноко стоящей на склоне высоты «222.6» в черном небе ярко светилась одна звезда. И хотелось верить в то, что гвардии старшина И. Г. Булаков и сейчас оберегает наше спокойствие.

Недолог на фронте солдатский век пехотинца. Просматривая архивные документы, я в этом убеждался много раз. Могу с уверенностью сказать, что гвардии старшина Булаков И. Г. был одним из немногих старейших бойцов своего батальона по сроку службы в пехоте. Я горжусь тем, что он дольше своих товарищей умело уходил от фашистской пули. И, что я знаю наверняка, так это то, что он был самым старшим по возрасту бойцом батальона. Он был старше всех своих погибших комбатов и ротных — кого на пять, а кого и на десять лет. А уж что касается рядовых бойцов... Они для него как дети, ведь он — умудренный жизнью старшина, опытный и сильный русский мужик, отец четырех детей, младший из которых впоследствии стал моим отцом. Одно слово СТАРШИНА — «Батя». Только «Бате» в то время не было и 35 лет. И я сейчас в свои 43 понимаю, КАК ЭТО МАЛО.

От редакции. Статья О. Н. Булакова, доктора юридических наук, декана юридического факультета МосГУ, поднимает важную тему простого человека на войне. Особенностью публикуемого текста является то, что история И. Г. Булакова прослежена его внуком по документам, хранящимся в архиве Минобороны России, и представляет собой уникальное биографическое исследование, наполненное глубоким нравственным смыслом. Публикуя биографию «простого человека» (в этом аспекте биографический метод разрабатывается на протяжении многих лет в рамках социологической школы МосГУ), журнал выражает поддержку самой идее создания россиянами, кто бы они ни были по профессии, истории своих семей на основе документов, записанных рассказов, фотографий, семейных реликвий и т. п.